

УДК 81:1:801.73

ПЕРЕВОД И ПРОБЛЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА

А.М. Галиева, З.З. Ибрагимова

Аннотация

В статье рассматриваются особенности языка современной отечественной философии, особое внимание уделяется сложным семантическим процессам, происходящим при взаимодействии основных понятий (концептов) переводных и собственно русских философских текстов.

Ключевые слова: язык и философия, перевод, философия языка, концепт.

Одним из важных методологических аспектов «лингвистического поворота» в философии явилось осознание того, что философия не только анализирует языковые формы выражения мысли, но и то, что она сама является *языком* со своей структурой, правилами преобразований и вывода, со своим терминологическим аппаратом. Философия – совершенно особая лингвокультурная область со стройной системой понятий и сложными межтекстовыми связями. Язык является не только инструментом философствования, но и пространством, где сам акт философствования осуществляется. Поэтому в деятельности любого философа чисто «технический» подход к языку должен быть дополнен сознательной установкой на анализ собственных языковых привычек и инерций мыслительных ходов, обусловленных языком.

Развитие философии всегда сопровождается обновлением философского языка, проработкой языковых ресурсов. Философия, как мы знаем, – это «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [1, с. 10], причем именно в таком, технологическом смысле, как говорит Делез («*La philosophie est l'art de former, d'inventer, de fabriquer des concepts*» [2]). Концепты – это философская реальность, поэтому строгость понятий, точность (или, напротив, нарочитая метафоричность и многозначность) словоупотребления и дисциплина мышления – вещи взаимосвязанные. У каждого способа осознания действительности есть свой язык, который позволяет адекватно выражать определенную мыслительную парадигму, – язык классического рационализма, экзистенциализма или постмодернизма. Однако акт философствования осуществляется всегда на конкретном языке – французском, немецком, русском. Потенции философского мышления в значительной мере предопределяются семантическими, словообразовательными и грамматическими возможностями языка, его гибкостью, тем, сопротивляется ли язык новообразованиям (и каким образом) или, напротив, дает возможность свободно их создавать.

Современная отечественная философия принимает, адаптирует, иногда с большим трудом, огромный поток тех понятий, которые формировались на протяжении длительного времени в феноменологии, экзистенциализме, аналитической философии, структурализме и постструктурализме. Эти понятия прошли долгий этап кристаллизации на Западе и в одночасье хлынули в российское культурное пространство в конце прошлого века.

Как следствие этого мы имеем совершенно «рваный» и «клочковатый» отечественный философский язык, где одновременно существуют фрагменты-клише советской разновидности марксизма, многочисленные заимствования, разнообразные эквиваленты (или слова, претендующие на то, чтобы быть эквивалентами) понятий, выработанных в различных неотечественных (нерусскоязычных) философских системах.

Очевидно, что аналогичная или похожая ситуация должна наблюдаться и в многоязыкой европейской философии, но она там смягчается за счет непрерывности традиции и единства культурного и терминологического пространства – существования, если воспользоваться выражением Б.Л. Уорфа, некоего «среднеевропейского стандарта». Создание философского языка предполагает опору на более раннюю традицию, а для Европы она была всегда более или менее однородной из-за наличия не только общих античных и христианских корней, но и средневековой латыни как языка религии и светской учености; поэтому в европейских языках не только философский язык, но и большая часть абстрактных понятий представляет собой в разной степени ассимилированные и модернизированные «квазигреческие» и «квазилатинские» слова.

Любая культурно значимая категория предполагает и создает сама особую целостность. Концепт имеет смысл лишь в соотнесенности с другими концептами, с которыми он сопряжен в определенном смысловом поле. Так, читающий о китайском *дао* должен иметь представление о *дэ*, *ритуале*, *Небе*, концепции недеяния *у-вей* и многом другом, даже если эти концепты формально в каком-то данном, конкретном тексте отсутствуют. На самом деле они все же там незримо представлены и устанавливают определенные горизонты смысла. Эти невидимые концепты задают размерность и семантическую плотность переводу, являясь своего рода опорными точками, между которыми вибрируют индивидуальные (субъективные) интенции переводчика и кристаллизуется переводной текст.

Роль перевода в развитии философии трудно переоценить. Переводы, будучи «формой вторичного художественного творчества», становятся составной частью национальной культуры, способствуют ее обогащению и развитию, что приводит к сближению различных мыслительных систем. Как известно, в процессе перевода с греческого и латыни формировался философский категориальный аппарат в новых языках начиная с эпохи Возрождения.

Любой перевод текста может быть рассмотрен лишь в рамках диалога национально-культурных миров и философских традиций. П. Тороп указывает, что «чистых текстов в культуре практически не существует, текстовая память есть у автора, переводчика и читателя» [3, с. 13].

Работа с переводом предполагает особую читательскую установку: читатель все время должен помнить, что он имеет дело лишь с текстом-посредником,

передающим лишь *некоторое представление* о тексте оригинала (это происходит даже с лучшими переводными текстами, так как переводчик дает свою интерпретацию тому, что он увидел и понял в оригинале, а из того, что он увидел и понял, не все может быть передано средствами переводящего языка). Здесь имеет значение целый ряд факторов: мастерство переводчика как писателя на языке перевода, его уровень владения языком оригинала, общая эрудиция, наличие специальных знаний в области, в которой осуществляется перевод, степень «переводимости» оригинала на другие языки и др. Для человека, читающего только перевод, оригинал является чем-то вроде принципиально недоступной познанию «вещи-в-себе», которая становится «вещью-для-нас» через перевод. Любой перевод, в особенности художественный и философский, несет в себе следы многочисленных трансформаций смысла и формы, потерь и наращений, порой вынужденных, порой намеренных, иногда осознанных, хотя, вероятно, чаще неосознаваемых. Поэтому оценка любого перевода предполагает учет большого количества параметров.

Выработка философского языка и создание философской системы – длительный исторический процесс. Так, Деррида опирается на Хайдеггера, Хайдеггер – на Гуссерля, Гуссерль – на Декарта и т. д. (эта преемственность в мыслительных мирах образует длинные цепочки с множеством боковых ответвлений и стыков). Поэтому, когда в российском культурном пространстве тексты Хайдеггера появляются раньше текстов Гуссерля, как это реально и случилось, неотрефлексированным и непонятым оказывается не только Гуссерль, но и во многом Хайдеггер. В силу несовпадения концептуального аппарата и стилистических предпочтений разных переводчиков произведения одного и того же автора не образуют линию преемственности, не складываются как фрагменты единой мозаики и даже становятся несоотносимыми (иногда такое происходит и с разными переводами одного и того же произведения). Субъективная представленность переводчика в его детище может быть разной, но она есть в любом переводе. Так, Н. Автономова, характеризуя переводческий стиль В. Библихина, указывает на то, что его «блестящие переводы подчас оказывались не столько переводами, сколько записями тех интуиций, которые диктовал ему освобожденный от исследовательского отношения язык» [4, с. 11].

Исследователи часто отмечают, что любой перевод, как правило, проще, яснее, примитивнее оригинала. Даже если переводной текст представляет собой мастерское подражание оригиналу, в нем пропадают нюансы и полутона, многочисленные намеки и межтекстовые реминисценции. П. Тороп пишет о том, что «переводчику в принципе недоступен синкретизм автора. Перевод по типу – более рациональный текст, чем подлинник, интуиция автора становится знанием (или непониманием) переводчика, имплицитные свойства текста часто нуждаются в экспликации» [3, с. 67].

Характеризуя перевод, У. Эко говорит о том, что это – «сказать почти то же самое на другом языке», но, продолжает Эко, могу ли я что-то утверждать наверняка о том же самом средствами другого языка? Имея дело с переводами, задавать себе этот вопрос следует всегда. Читая переводной текст, мы подчас забываем о его переведенности, вторичности, производности. Неискушенному современному студенту, незнакомому даже с основами греческого языка, может

показаться, что Платон разрабатывал учение об идеях, а Аристотель создавал свои категории, используя слова и грамматические категории русского языка. Да что там неискушенный студент! Нередко даже в научно-философских изданиях Хайдеггер или Деррида (мыслители практически неперевоаемые) представлены так, словно они думали и говорили по-русски (*Деррида говорит, Хайдеггер пишет...*). Н. Автономова полагает, что такая забывчивость является «свидетельством некоторой эпистемологической наивности» [4, с. 9], причина которой заключена в том, что мы слишком доверяем словам.

Жизнь формально одного и того же (или формально эквивалентного) философского понятия в том или ином типе лингвокультуры может значительно отличаться, что диктует определенные условия рецепции текста. Сложности подкарауливают даже там, где, казалось бы, этих сложностей быть не должно, если существует русский эквивалент или калька. Так, понятие *лингвистическая философия* для русскоязычного читателя уже утрачивает прямую связь с языком (*lingua, langue, language* и т. п.), поскольку прилагательное *лингвистический* отсылает к лингвистике – науке о языке; поэтому неискушенный в перипетиях развития философии XX века читатель, знакомый лишь с общим ходом развития лингвистических идей, читая работы по лингвистической философии, может испытывать недоумение. Действительно, лингвистическая философия как «философия обыденного языка», представляющая собой ответвление аналитической философии, ставит проблемы, связанные с языком, но в форме и ракурсах, которые не совпадают с постановкой вопросов в языкознании.

Обратимся к конкретным примерам.

Дискурс – одно из самых неоднозначно трактуемых понятий современного гуманитарного знания. Постмодернисты говорят о дискурсивности, *дискурсивных практиках, дискурсивных эпистемических трансформациях* и т. п. В русском языке слово *дискурс* неродное, заимствованное, а следовательно, имеющее особый «шлейф» инородности, иностранности (хотя бы на уровне коннотаций), и уже это требует предоставления конкретной его дефиниции. Между тем во французском языке *discours* – производное слово, образованное от глагола *discourir* «говорить о чем-либо, болтать, разглагольствовать»; *discours* – это обычное общеупотребительное слово, имеющее множество значений и широкую сочетаемость. Обратимся к соответствующей статье «Нового французско-русского словаря».

Discours – 1) речь, выступление, слово; 2) дискурс, речь; 3) трактат, рассуждение; 4) *перен.* манера мыслить, система понятий; 5) *разг.* рассуждение, анализ [5, с. 342].

Самый поверхностный взгляд на словарную статью показывает, что слово *discours* может использоваться в речи профессиональной и разговорной во множестве значений и обладает широким шлейфом ассоциаций, которые отсутствуют в русском языке и, соответственно, не сохраняются в переведенных с французского языка философских работах, что создает определенные трудности для русского читателя, ищущего терминологической определенности в пределах более или менее знакомой современной философии.

Так, слово *дискурсивность* в следующем фрагменте из книги Делеза и Гваттари «Что такое философия?» может быть понято адекватно только в том

случае, если помнить о множественности значений соответствующего французского слова: «Диалектика притязает на открытие собственной дискурсивности, но это она может делать лишь путем сочленения мнений» [1, с. 105]. В противном случае мы будем вынуждены причислить греческих философов к плеяде структуралистов и постструктуралистов, поскольку созданная ими диалектика каким-то непостижимым образом оказывается связанной с *дискурсом* – одним из популярнейших понятий постнеклассической философии.

Иногда бывает так, что легче произвести обратный перевод, чем пытаться осмыслить переводной текст. Так, например, слово *консистенция* у русского читателя вызывает ассоциации почти исключительно с кулинарией (*довести до консистенции густой сметаны*) и подготовкой строительно-ремонтных смесей (*консистенция бетонной смеси*), а при чтении книги Делеза и Гваттари «Что такое философия?» в переводе С.Н. Зенкина просто необходимо помнить, что кроме «густоты» и «плотности» французский полисемант *consistance* (абстрактное существительное, образованное от глагола *consister* со значением «стоять из..., заключаться в...») обозначает еще и обоснованность и логическую непротиворечивость.

В русском переводе «Слов и вещей» М. Фуко, выполненном Н. Автономовой, появляется таинственная *дискурсия*: «*Всеобщая грамматика – это изучение словесного порядка в его отношении к одновременности, которую она должна представлять*. Таким образом, ее собственным объектом оказывается не мышление, не язык, а *дискурсия*, понимаемая как последовательность словесных знаков» [6, с. 116]. Далее говорится об *универсальной дискурсии*: «Это отношение (языка к универсальности. – А.Г., З.И.) может принимать две формы соответственно тому, что принимается во внимание – возможность *Универсального языка* или *Универсальной дискурсии*» [6, с. 117]. При этом важно подчеркнуть, что автономовская *дискурсия* характеризует эпистему классического рационализма и не соответствует значению слова *дискурсия*, представленному в энциклопедическом словаре «Философия. XX век» (под редакцией А.А. Грицанова) [7].

В одной из своих книг Н. Автономов говорит о том, что была вынуждена «изобрести» слово *дискурсия* (в оригинале у Фуко есть только *discours*), дабы не вводить в заблуждение русского читателя. Причиной появления такого рода «изобретения» послужило то, что именно в творчестве Фуко находят отражение два важнейших этапа развития понятия *discours*: 1) логико-лингвистическая развертка представления и 2) социально-регламентированное высказывание, не имеющее отношения ни к логике, ни к лингвистике [4, с. 376–385].

В данном случае рождение переводческого новообразования, отсутствующего как в языке оригинала, так и в языке русской философии конца 70-х годов двадцатого века (напомним, что перевод «Слов и вещей», осуществленный Н. Автономовой, был издан в 1977 г.), было обусловлено необходимостью разведения для русского читателя разных значений французского слова, тем самым текст был адаптирован, стал более ясным, доступным.

Любопытные наблюдения могут быть сделаны и в отношении других философских концептов. Позволим себе привести пример некорректного обращения со словом. В энциклопедической статье «Симулякр», представленной в ряде

печатных изданий и интернет-словарей, М.А. Можейко следующим образом характеризует *симулякр*: «термин философии постмодернизма для обозначения непонятного средства фиксации опыта. Генетически восходит к термину «С.» («симулакрум»), обозначавшему у Платона «копию копии» (см., например, [7, с. 675; 8, с. 550]). При этом для читателя должно быть совершенно очевидно, что интересующее нас слово «генетически» к терминологии Платона восходить не может хотя бы потому, что Платон, как известно, писал по-гречески, а *simulacrum* – слово латинское; поэтому речь может идти либо о латинских переводах Платона, либо о латинском слове, использовавшемся для обозначения соответствующего понятия Платона. Примечательно, что в случае с *симулякром* французские мыслители опять-таки не придумывают нового слова и даже не достают его с полок архива истории философии, а обращаются к обычному слову французского языка, где *simulacre* имеет следующие значения: 1) подобие, видимость, иллюзия, 2) *воен.* отвлекающая операция; обманчивый маневр; демонстрация, 3) ложный объект; макет; авиационный тренажер, 4) *уст.* изображение; образ, 5) *уст.* призрак, видение [5, с. 1015].

Как уже отмечалось, слово *simulacre* не обязательно является философским термином и часто переводится на русский язык. Приведем пример его использования в статье Р. Барта «Структурализм как деятельность»: *Le but de toute activité structuraliste, qu'elle soit réflexive ou poétique, est de reconstituer un «objet», de façon à manifester dans cette reconstitution les règles de fonctionnement (les «fonctions») de cet objet. La structure est donc en fait un simulacre de l'objet, mais un simulacre dirigé, intéressé, puisque l'objet imité fait apparaître quelque chose qui restait invisible, ou si l'on préfère, inintelligible dans l'objet naturel. L'homme structural prend le réel, le décompose, puis le recompose; c'est en apparence fort* [9]. В переводе Н.А. Безменовой этот фрагмент выглядит так: «Целью любой структуралистской деятельности – безразлично, рефлексивной или поэтической – является воссоздание «объекта» таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования («функции») этого объекта. Таким образом, структура – это, в сущности, *отображение* предмета, но *отображение* направленное, заинтересованное, поскольку модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или, если угодно, неинтеллигибельным, в самом моделируемом предмете» [10, с. 229]. Как видим, в переводе никакого *симулякра* нет, но есть *отображение* объекта.

Отсутствие внутренней формы в русском языке у таких слов, как *симулякр*, *дискурс* и некоторых других, делает их в сознании носителей русского языка пустыми, бессодержательными, для русского читателя это всего лишь термины невероятно усложненного языка философов-постмодернистов. Между тем названные философы часто заимствуют слова из быденного языка (как это когда-то делали греческие философы), придавая им новые значения. При этом «аромат» прежних (или быденных) словоупотреблений никуда не исчезает, а подходящее контекстуальное окружение способно наполнить жизнью стершуюся образность.

Приведем также контекст, где слово *симулякр* не переводится: *La rivalité culmine avec celle du philosophe et du sophiste, qui s'arrachent les dépouilles du vieux sage, mais comment distinguer le faux ami du vrai, et le concept du simulacre?*

Le simulateur et l'ami c'est tout un théâtre platonicien qui fait proliférer les personnages conceptuels en les dotant des puissances du comique et du tragique [2]. «Соперничество доходит до своего предела в споре философа и софиста, тягущихся за наследство древнего мудреца, и как тут отличить ложного друга от настоящего, а концепт от *симулякра*? *Подражатель* и друг – таков спектакль, поставленный Платоном, где во множестве являются разнообразные концептуальные персонажи, наделенные потенциями комизма и трагизма» [1, с. 19].

В оригинале использованы однокоренные слова *simulacre* и *simulateur* («симулянт, притворщик, имитатор»), а в русском переводе слова *симулякр* и *подражатель* формально никак не связаны. При этом использование слова *симулякр* (воспринимаемого исключительно как постмодернистский термин) вводит русского читателя в смысловое пространство постмодернизма, хотя у Делеза и Гваттари речь идет о греках. Таким образом, авторы книги «Что такое философия?» в русском переводе могут оказаться в большей степени «постмодернистами», чем для франкоязычного читателя.

Можно сказать, что современная отечественная философия продолжает поиск своего языка, способного отражать не только полифонию и разноголосицу, но и глубину и противоречивость современного мышления. Для того чтобы стать событием мысли, философия должна обрести адекватную форму выражения. Несовпадение формы мысли, нетождественность словообразовательных гнезд и образности языковых метафор в романских (или германских) языках с соответствующими русскими моделями и отсутствие эквивалентов доставляет переводчикам немало проблем. Словесные «слепки» с чужих мыслей могут войти в пространство русской философии лишь отрефлексированными, иначе сама мысль будет окончательно потеряна в многочисленных стилизациях и псевдостилизациях под работы Хайдеггера и Деррида.

Не вызывает сомнения, что роль перевода в создании концептуальных систем и в формировании языка философии как такового трудно переоценить. Тем не менее рецепция западной философской традиции XX века может представляться весьма двусмысленной, будучи сведенной к механическому запоминанию некоторых трафаретов из непонятных по существу переводных текстов или становясь слишком вольной интерпретацией все тех же оставшихся непонятными переводов. Впрочем, мы знаем еще один путь – окольный: перевод того, что написано по поводу все тех же французов и немцев в англоязычной литературе, но это уже перевод перевода и переложение переложения (причем не обязательно хорошего). Не является ли наша бессознательная убежденность в том, что западная мысль вполне пригодна для того, чтобы отразить *наш* опыт и *наше* мировоззрение, следствием нашей наивности и излишней доверчивости по отношению к словам? Не слишком ли быстро мы «проскочили» («прошли», как нерадивые школьники) то, что на Западе вынашивалось и вызревало на протяжении многих десятилетий? Эти вопросы встают и, видимо, долго еще будут вставать перед нами при определении наших собственных перспектив.

Summary

A.M. Galieva, Z.Z. Ibragimova. Translation and the Problem of Russian Philosophy Language.

The paper concerns conceptual space and language of modern Russian philosophy. Particular attention is paid to interaction of main notions (concepts) in original Russian texts and translations.

Key words: language and philosophy, translation, philosophy of language, concept.

Литература

1. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
2. *Deleuze G.* Qu'est-ce que la philosophie? – URL: http://www.philo5.com/Les%20philosophes%20Textes/Deleuze_Qu%27EstCeQueLaPhilosophie.htm, свободный.
3. *Торон П.* Тотальный перевод. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1995. – 220 с.
4. *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыт философии языка. – М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
5. *Гак В.Г.* Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. язык, 2004. – 1195 с.
6. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-скад, 1995. – 406 с.
7. Всемирная энциклопедия. Философия. XX век / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современ. литератор, 2002. – 976 с.
8. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Современ. литератор, 2007. – 815 с.
9. *Barthes R.* L'activité structuraliste. – URL: http://www.structuralisme.fr/index.php?option=com_content&task=view&id=34&Itemid=72, свободный.
10. *Барт Р.* Структурализм как деятельность // Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академ. проект, 2008. – С. 227–236.

Поступила в редакцию
04.11.09

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат философских наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.

E-mail: agalieva@yandex.ru

Ибрагимова Зульфия Зайтуновна – кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Казанского государственного университета.